

МИСТЕРИЯ И ИСТЕРИЯ XX ВЕКА

Программа «Дни» Александра Невзорова на канале ОРТ

Игорь Зотов

Премьера

ЗА БОЛЕЕ чем год своего существования Общественное российское телевидение пережило много как полезных, так и бесполезных изменений. Однако единого стиля, присущего информационным и аналитическим программам РТВ и НТВ, так и не приобрело. «Новости» на ОРТ часто грешат дореформенным пустословием или откровенно пристрастными комментариями, так что возвращение названия «Время» в вечерний блок кажется вполне логичным. Облик аналитической программы «Воскресенье» взамен утраченных «Итогов» со дня самой утраты менялся неоднократно, но, увы, без всякого успеха. Причины в принципе понятны — трудно соединить вещи практически несоединимые: официальную и личностную (читай — независимую) точки зрения. Отсюда часто и фальшь. Многие журналисты ОРТ продолжают работать так, как их учили при коммунистах, то есть не зная, что бесстрастно изложенная информация (пусть полученная из самых наифоциальных источников) воздействует на зрителя куда сильнее многословия. А все вкупе подтверждает старую истину: создавать новое куда легче, нежели улучшать старое.

В этой связи решение пригласить на работу знаменитого державника Александра Невзорова вызвало у публики немалый интерес. Таким образом ОРТ отвечало своим многочисленным критикам, утверждавшим, что вся «общественность» этого канала содержится только в его названии. Шаг, несомненно, смелый, даже как бы и рискованный, учитывая жесткую критику Невзоровым в недавнем прошлом нынешнего режима. Впрочем, риск улетучился очень быстро после того, как Невзоров вышел на «Дикое поле»: ничего кроме скуки новая передача у нормального человека не вызвала. Невзоров откровенно оставался в привычно чернушной эстетике семи-, восьмилетней давности. Более того, он растерял все то, чем некогда завоевал аудиторию в легендарных «600 секундах». То, что нарасхват смотрелось в минутных репортажах (даже мертвяки крупным планом), в десятизеренных дозах совершенно естественным образом стало ненужным. Попытки «оживляжа» с помощью напористой и всегда плохого качества музыки оборачивались головной болью. Хотя, вероятно, и у «Дикого поля» оставались поклонники, но, уверен, из тех, что и сами вполне могут претендовать на роль героев передачи. В результате «Дикое поле» смотрелось некой диковинной зверушкой на канале, по статусу претендующем на

всероссийскую respectable-ность.

Некой провинциальной зверушкой, необходимо добавить. Провинциальность, естественная для «600 секунд» на Петербургском канале, в ту перестроечную пору почти неаяная, сменилась явной, но неосознанной, ибо слишком еще силен в гражданских умах был образ Невзорова как гениального, хотя и с некоторыми завихрениями репортера. Ухмылялись по поводу вечной комиссарской «кожанки», по поводу «некрофилии», но никак не формулировали общий принцип его творчества. А это — почти маниакальная нахрапистость в использовании пусть не всегда и удачных, но теперь архаичных журналистских приемов, равно как и в потере профессиональной (не беру во внимание — политическую) гибкости. И вот были объявлены «Дни».

По всей вероятности, руководство ОРТ выставляло имя Невзорова против имен Николая Сванидзе и Евгения Киселева. Невзоровские итоги подводятся на день раньше киселевских, но в 5 раз реже сванидзевских. По громкости в журналистском мире эти имена практически равны. Так, возможно, предполагалось. Во всяком случае, постоянные неудачи с программой «Воскресенье» и породили месяц назад слухи о том, что «Воскресеньем» займется Александр Глебович. Может, и предлагалось ему сделать это, но он (если на самом деле предлагалось) благоразумно отказался: тягаться с опытным знатоком политических хитросплетений и с лукавым творцом политических же мифологий Киселевым (причем на поле противника) репортеру с криминальным уклоном значило

потерять по меньшей мере половину громкого имени. Но что значит для репортера с любым уклоном делать свою итоговую, хоть и публицистическую (как у Сванидзе) программу на день раньше киселевской — знает всякий журналист. Таким образом, «Дни» Невзорова заняли своеобразную нишу между ежедневной публицистикой «Подробностей» и еженедельной аналитикой «Итогов». Между молотом и наковальней. Зато у Невзорова остается явное преимущество: его передача предназначается для несравненно более широкой аудитории, нежели чем у любимцев интеллигенции Киселева и Сванидзе. Вот как он этим преимуществом воспользовался.

ПУНКТ ПЕРВЫЙ: ЗАСТАВКА

Золотой двуглавый, но нарочито трехкоронный орел на алом фоне (кровь наших «дней»?), да еще и щелкающий клювом (хорошо — не обоими) под любимую «музыку» — все это и выпукло, и зримо, и грубо, как у Маяковского, но еще и — в лоб. Зритель ужасается, восхищается, рушится коленопреклоненно к ногам Александра Глебовича. Но тому мало зрительского экстаза, и его голова (не иначе в пику Киселеву, расхаживающему в своей заставке на фоне Кремля) крупно просовывается на место орлиной. Думаю, если бы технические возможности Урюпинского, скажем, телевидения позволяли изображать такие трюки, то тамошний (урюпинский) зритель был бы на седьмом небе. На Центральном же телевидении находку Невзорова может с успехом (при небольшой редакции) использовать «В мире животных». Но это — цветочки.

ПУНКТ ВТОРОЙ: СТУДИЯ

Давняя и неутолимая любовь Невзорова к творчеству Глазунова объяснима абсолютно со всех точек зрения. По-советски неизбывная провинциальность глазуновского лубка с грандиозным названием «100 веков» на фоне которого расположился Невзоров точнее всего отражает душевную невянтицу журналиста. Лица, лица, лица, гнетущий фон, толпа странных существ (одно, смахивающее на Достоевского, даже с крестом), готовых свалить несчастного зрителя, растоптать, превратить в прах. Картина Глазунова — застывшая музыка из передач Невзорова. Их соединение в «Днях» было бы совершенно гармонично, если бы Александр Глебович вдруг не оказался в студии не в привычной «коже», а в ненавистном для него костюме. Зато он щеголяет в коже на аудиенции у патриарха, хотя по стилю вернее как раз наоборот. Но это упущение вполне еще поправимо.

ПУНКТ ТРЕТИЙ: СУТЬ

Невзоров, кажется, первым сказал о том, о чем некоторые знали, но молчали. О том, что 16—17 марта Москве (и стране) грозили события на манер Октябрьских 93-го года. Что Госдума была взята в кольцо всякими громкоименными дивизиями. Ждали только приказа. Если все так, это — несомненная репортерская удача Невзорова. Повержены и Киселев, и Сванидзе, хотя они-то наверняка тоже знали, но молчали, каждый по своим, очевидно конъюнктурным, причинам. Если соединить все кадры, посвященные «Днями» этим событиям, то налицо и чисто эстетические удачи: и обы-

чно веселый комментарий Жириновского, остроумно перемежающийся съемками думской лестницы, и лицо вещающего Зюганова в щелочку между депутатскими щечками, желваками и губами, и даже зловещие, но уклончивые слова Виктора Илюхина... Короче, все это легко бы уместилось в те же 600 секунд — и ни секундой больше. В начале того же «Времени». Но Невзорову хочется глобальности, и он бесконечно отсылает зрителя к «потом», к «позже», дабы представить полную картину российской недельной (да что недельной — вечной!) жизни. Нарисовать свою, телемистерию нашего века, благо живописная и музыкальная часть триптиха уже готова. Все или ничего.

ПУНКТ ЧЕТВЕРТЫЙ: ОСТАЛЬНОЕ

А остальное — макабрический компот из уголовной хроники (но почему-то с выводами о полной невозможности проведения Олимпиады в Питере), из безудержной хвалы по адресу Куликова и Грачева с многозначительными отсылками к их выступлениям (кои никак не подтверждали взятого пафоса), из столь многозначительных намеков о нечистоплотности депутата от Мурманской области Андрея Козырева и прочего. Там же, но неким особняком, стоит съемка (не иначе — из архива спецслужб) подписания Беловежского соглашения. Съемка уникальная (еще одна репортерская удача Невзорова), но одновременно — ненужная, ничего не говорящая сама по себе, требующая отдельного, пространного комментария, особенно в свете последних событий. Увы, из ничего и вышло ничего. Эксклюзивные кадры воспарили в бесконечный эфир и пропали. А общая картина вышла кровавая, грязноватая и главное — бессмысленная и несерьезная, как, видимо, и сама невзоровская Россия. Не публицистика (но стилистически точная) Сванидзе, и не аналитика (но хитрая) Киселева, но этакая «Истерия (без «м») XX века» (если вспомнить другую, но столь же грандиозный лубок того же художника). Зачем? Бог весть. Материал для психоаналитических штудий. Главное в программе Невзорова было безнадёжно размыто, да и попросту смыто. А чем, потоками крови — или грязи? — может решать каждый для себя. Неумение остановиться сыграло с Невзоровым дурную шутку в очередной раз.

В конце концов, и это главное, журналист сам оказался олицетворением той России, «дни» которой он воспроизвел на телеэкране. Кто выиграл от этого? Уверен — не ОРТ. Пожалуй, лишь кроваво-орел с заставки: щелк — и тово.

Александр Невзоров в пиджаке и при галстукe.

Фото Валерия Киселева (НГ-фото)

Невзоров Александр
30.03.96.